

Н.Э.Баннова

РЫНОК КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО ПРИНЦИПА САМООРГАНИЗАЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

Статья содержит обоснование автором гипотезы об имманентной природе социально-экономической системы характере рынка в контексте критического анализа концепций о его преходящем характере, предпринятого на основе современных представлений о поведении сложных систем.

“Время изменяет не только экономический уклад общества, но вносит свои поправки в ключевые экономические идеи...экономисты - классики, такие как Рикардо, Мальтус, Маркс, Вальрас и Маршалл жили в иное время и принадлежат иным культурам. Время - лучший арбитр. Только время придает нам достаточно мудрости, чтобы признать, что иные идеи, которые казались сначала такими значительными и многообещающими, имеют довольно поверхностный характер”.

Вэй-Бин Занг

Неискушенному человеку может показаться просто праздным, а искушенному - праздным по причине его абсурдности обращение к вопросу о возможности выхода общества за пределы экономического или рыночного состояния, ставшему предметом данной статьи. Однако, как ни парадоксально, далеко не все даже из тех, кто профессионально занимается социально-экономическими исследованиями в России, разделяют подобное отношение. Обосновываемая марксизмом идея о возможности выхода общества за пределы экономического состояния находит и сегодня поддержку в научных кругах России, принимая модернизированный облик, впрочем легко распознаваемый по сути. Приверженность данной идее в немалой степени предопределяет как игнорирование со стороны лидирующих стран рыночного характера российской экономики, сопряженное со значительными потерями для России, так и пролонгированный характер самого процесса рыночной трансформации партийно-бюрократической экономики СССР.

Противостояние рыночной трансформации экономики в России на теоретическом уровне выглядит как апологетика марксизма, который пытаются либо эклектично совместить с современной (неоклассической) экономической теорией, либо представить в качестве эквивалента

институциональной и постиндустриальной теориям.

В настоящей статье рассматривается последний вариант апологетики марксизма, в контексте которого постиндустриальный период эволюции общества определяется как постэкономический, означающий выход общества за пределы экономического состояния, а переход России к рынку трактуется соответственно как анахронизм. Достаточно показательными в этом отношении, с нашей точки зрения, являются работы В.Л. Иноземцева, такие как “Концепция постэкономического общества”, а также “Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе”, опубликованная в соавторстве с О.Н. Антипиной [1,4].

Теория постиндустриального общества возникла в результате осмысления реальных процессов, отчетливо проявившихся во второй половине XX века сокращением доли материального производства на фоне расширения доли услуг и информации в национальном продукте, вовлечением в производство новых видов экономических ресурсов, изменением социальной структуры. Постиндустриальная теория исследует экономические явления в социально - культурном контексте, акцентируя внимание на формировании системы постиндустриальных ценностей, ориентации менеджмента на исполь-

зование творческого потенциала личности работника, формировании нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышении роли знания и изменении системы образования [2,3].

В работе “Концепция постэкономического общества” [4] постиндустриальное общество отождествляется В.Л. Иноземцевым с марксистским постэкономическим или коммунистическим обществом, определяемом как дематериальное или дерыночное постольку, поскольку согласно марксистской концепции рынок генерируется материальными потребностями, представляя собой не более чем сферу обращения произведенных материальных благ.

Постэкономическое общество, пишет В.Л. Иноземцев, может быть рассмотрено в числе трех эпох исторического прогресса. Первая из них названа К. Марксом архаической или первичной общественной формацией, вторая - экономической общественной формацией (*oekonomische Gesellschaftsformation*), третья - эпохой становления и развития коммунистических принципов, хотя непосредственно как коммунистическая общественная формация она не определялась. К. Маркс рассматривал коммунистическое общество как преодолевающее основные черты экономической формации (частную собственность, рынок, эксплуатацию). В рамках советской версии марксизма утверждалась теория “общественно-экономических формаций”, а коммунистическое общество стало трактоваться как противоположность капитализму, термин “экономическая общественная формация” с этого времени фактически не применялся [4].

Обоснование марксистского представления о преходящем характере рынка В.Л. Иноземцев пытается подкрепить лексическим анализом немецких слов “*Oekonomie*”, “*Wirtschaft*”, “*Volkswirtschaft*”, “*Nationaloekonomie*”. “Немецкий язык, позволяя использовать слово “*Wirtschaft*” для обозначения любой формы организации общественного хозяйства, в то же время, - по мнению В.Л. Иноземцева, - предполагает, что термин “*Oekonomie*” может быть применен только тогда, когда речь идет о вполне определенном уровне развития *Wirtschaft* или же об отдельных его аспектах, но в обоих случаях в центре внимания оказывается не непосредственное производство, а соответствующая ему система общественных отношений” [4].

Вместе с тем в современной немецкой экономической терминологии автору не удалось

обнаружить подобных “разнозначных” терминов. Так понятия “хозяйство” и “экономика”, а также “народное хозяйство” и “национальная экономика”, имеющие одинаковый смысл, фигурируют соответственно как “*Wirtschaft*” (для первой пары терминов) и “*Volkswirtschaft*” (для второй). Таким образом современная немецкая экономическая терминология в данном случае иллюстрирует унификацию терминов в направлении вытеснения греческих аналогов.

Вообще, по нашему мнению, попытки все-речь анализировать реальность, подгоняя, а то и создавая ее под определенные “разнозначные”, как в данном случае, термины представляются не только абсурдными в контексте интеркультурной коммуникации, взаимопроникновения языков, но и отнюдь не безвредными. Подобная путаница в терминологии, подчас сознательно поддерживаемая представителями того или иного научного сообщества для отставания собственных идей, в не меньшей, если не большей степени присуща и русскому языку, наглядно демонстрирующему “синдром догоняющего развития”. Примером подобной, мотивированной апологетикой марксизма (немецкая лексика), сознательной терминологической путаницы, имеющей место при изложении экономической теории (английская лексика) в некоторых отечественных учебниках, может служить другая пара “разнозначных” терминов: стоимость и ценность (*wert* - в немецком и *value* - в английском), что создает непреодолимые препятствия для желающего постигнуть экономическую теорию по наугад выбранному учебнику.

Подобные лексические изыскания могут показаться лишены смысла, однако следует заметить, что за противопоставление, которому мы обязаны, кстати, немецкой научной мысли, двух других понятий, а именно “цивилизации” и “культуры”, человечество в конечном итоге заплатило второй мировой войной, развязанной двумя тоталитарными режимами. Идейная основа обоих режимов и германского национал - социалистического, и российского интернационал - социалистического (коммунистического) была по сути замешана на отрицании ценности денег как института цивилизации. В концептуальных рамках коммунистического проекта, реализованного на просторах бывшей Российской империи, критика ценности денег была доведена до апогея - декларирования их отмены, что означало по сути отмену рынка.

В.Л. Иноземцев полагает, что сущность постиндустриального этапа развития общества, характеризующегося насыщением материальных потребностей, заключается в отмирании рынка, поскольку рынок генерирован материальными потребностями. “На протяжении всей истории, - пишет В.Л. Иноземцев, - главными для человека были материальные интересы, однако их значение в доэкономическую и экономическую эпохи было различным. Граница между доэкономическим и экономическим типами общества пролегает там, где человек начинает осознавать свой материальный интерес как противоположный интересам других людей и примитивного сообщества в целом. Переход к постэкономическому обществу связан с выходом интересов человека за пределы материальных интересов” [4].

Логика рассуждений В.Л. Иноземцева, замкнутых на марксистской мифологеме материальности, ставшей для нее “прокрустовым ложе”, связана с подменой понятий “рынок” - “материальные потребности” и “экономика” - “материальные потребности”. В соответствии с этим подходом доминирование материальных потребностей рассматривается, во-первых, как феномен универсальный для человека, и во-вторых, как феномен переходящий.

Прежде всего следовало бы уточнить, что следует понимать под материальными потребностями. Представляется, что в данном контексте корректнее говорить о потребностях в ограниченных благах, обладание которыми предполагает спецификацию собственности, выбор и обмен, т.е. благах, характеризующихся альтернативной ценностью или экономических благах, которые могут быть и интеллектуально-духовными.

Материальные потребности, равно как и потребности другого рода, имманентно присущи природе человека, однако из этого не следует, что материальные потребности являются доминирующими для каждого человека, соответственно этому лишаются смысла рассуждения о их переходящем характере.

История свидетельствует, что во все времена вне зависимости от культурного уровня социума отдельные индивидуумы добровольно сводят до минимума собственные экономические потребности, замещая освобождаемое пространство-время другого рода активностью. Подобный стиль жизни позволяет индивидууму снизить интенсивность его транзакций в со-

циуме или снизить степень социально-экономической активности, обрести относительную самодостаточность, что может быть интерпретировано как выход индивидуума за пределы экономического состояния.

Однако такой выход, возможный для индивидуума (на микроуровне), невозможен для социальной системы в целом (на макроуровне). Постиндустриальная трансформация в предпочтениях индивидуумов относительно экономических благ в направлении от благ “вещных” к благам, для которых “вещный” компонент не более чем носитель, не может рассматриваться как выход общества за пределы экономического состояния, который в принципе невозможен, поскольку невозможно преодоление системной природы человека, означающее обретение человеком абсолютной самодостаточности.

Выход общества за пределы экономического состояния означал бы возможность существования таких индивидуумов, которые либо вообще не испытывают потребности в благах как таковых, какой бы природы они ни были, либо являются абсолютно самодостаточными, способными вне связей с другими индивидуумами генерировать любые блага в любом количестве, причем из вакуума, поскольку в противном случае они будут вынуждены вступать в транзакции на предмет принадлежности исходных благ, выходящих за рамки собственных способностей. В последнем случае выход общества за пределы экономического состояния предполагает отсутствие дифференциации индивидуумов или их системной природы, следовательно отсутствие обмена или рынка как единственно возможного естественного способа существования индивидуума как существа системного.

На практическом уровне подтверждение невозможности выхода общества за пределы так называемого “экономического состояния” было получено в результате реализации коммунистического проекта, что несомненно является ее позитивным аспектом с познавательной точки зрения. Сущность социально-экономической системы, имевшей место в СССР, с большей степенью адекватности может быть выражена не столько понятием “административно-командная экономика”, более подходящим для сталинского периода, сколько понятием “партийно-бюрократический рынок”.

Экономическое состояние общества в соответствии с принятым подходом В.Л. Иноземцев

связывает с доминированием материально или утилитарно мотивированной активности, предполагающей наличие рынка, частной собственности и эксплуатации.

Рассуждения В.Л. Иноземцева о том, что “достижение экономической эпохой своих наиболее развитых форм стало началом ее упадка” и “сегодня мы наблюдаем зарождение новой, постэкономической цивилизации” являются не иначе, как римейком марксистской концепции о преходящем характере частной собственности и рынка. “Становление постэкономического общества представляет собой, - по В.Л. Иноземцеву -, деструкцию экономического строя. Так же, как раньше экономические отношения расширяли сферу своего господства, устраняя прочие хозяйственные и политические формы, так и ныне новое общество прокладывает себе дорогу отрицанием элементов прежнего социального устройства. Важнейшей чертой этого процесса становится преодоление труда как утилитарной активности и замена его творческой деятельностью, не мотивированной материальными факторами” [4].

Однако вряд ли может удасться попытка представить существование человека вне материально мотивированной активности, равно как и вне обмена, а последний - вне собственности.

Индивидуальные способности как объект собственности одного человека, которым он владеет по праву рождения, не могут быть способностями другого человека, следовательно не принадлежат ему. Способности человека дифференцированы, что является имманентно присущим системе атрибутом, связанным с обменным характером ее существования и эволюции. Человек, будучи существом системным по определению, вне обмена, следовательно вне взаимоэксплуатации существовать не может. Негативный смысл, заключающийся в понятии “эксплуатация”, связан с недобровольным, следовательно - неэквивалентным характером обмена, обусловленным отсутствием адекватной свободы индивидуума, адекватной спецификации прав собственности.

Феномен эксплуатации В.Л. Иноземцев рассматривает традиционно для марксистской концепции в качестве одного из определяющих экономическое общество атрибутов, поскольку оно детерминировано материальным интересом. Там же, где большинство интересов перестают быть материальными, полагает В.Л. Иноземцев, эксплуатация преодолевается как значимый элемент

социальных отношений. Другими словами, эксплуатация не существует там, где отчуждение у производителя части его продукта не воспринимается производителем как противоречащее реализации его материального интереса.

Преодоление эксплуатации как атрибута экономического общества окажется, по мнению В.Л. Иноземцева, гораздо более длительным процессом, чем это представлялось ранее, поскольку эксплуатация, в чем трудно не согласиться с автором, является в большей степени феноменом психологическим, чем экономическим.

Еще труднее не согласиться с В.Л. Иноземцевым в том, что “эксплуатация обусловлена не самим фактом отчуждения у производителя части его продукта, которое неизбежно при любой форме общества” [4]. Действительно, атрибутом общества как системы являются связи или отношения, сущность которых может быть выражена многими, аналогичными по смыслу, понятиями: обмен, торговля, купля-продажа, транзакция, сделка, рынок. Индивидуумы в соответствии с их системной природой существуют по принципу взаимозависимости, взаимоэксплуатации, которая, будучи имманентно присущей социальной системе, не может быть преодолена ни при одном из ее возможных состояний.

Однако В.Л. Иноземцев придерживается в отношении эксплуатации представления о ее преходящем характере, рассматривая эксплуатацию в качестве атрибута экономического общества, что вполне логично, поскольку последнее, по его мнению, детерминировано материальными интересами, имеющими преходящий характер.

Следует отдать должное взглядам В.Л. Иноземцева на характер процесса социально-экономических изменений, поскольку в отличие от К. Маркса он не оставляет места революционным экспериментам: “Будучи радикально связанным с модернизацией системы человеческих ценностей и привычек психологических ориентиров, такой процесс протекает относительно медленно. Оценка современной трансформации как перехода от экономического общества к постэкономическому позволяет осознать, что этот период будет продолжительным и не оставит места для революционных экспериментов” [4].

Вместе с тем рассуждения В.Л. Иноземцева относительно сущности процесса перехода к постэкономическому обществу не оставляют сомнений в их тождественности марксистской концепции, поскольку основное направление

трансформации производственных отношений по сравнению с базисом постэкономического общества в ближайшие десятилетия связывается с естественным и неизбежным преодолением рыночных отношений и частной собственности [4].

Симптоматично здесь также то, что причины перехода к постэкономическому обществу трактуются в соответствии с марксистской диалектикой как противоречие (между базисом - материальным производством и надстройкой - производственными отношениями, прогресс которой он детерминирует). Однако фиаско марксистской диалектической методологии в адекватном описании и объяснении социально-экономической эволюции сегодня более чем очевидно.

Таким образом и К. Маркс, и В.Л. Иноземцев исходят в своих концептуальных построениях из преходящего характера экономического состояния общества как одного из его возможных состояний, отличительными признаками которого являются рынок, частная собственность и эксплуатация. Выход из экономического состояния общества, представляющий собой, по В.Л. Иноземцеву, сущность современной постиндустриальной социальной трансформации, соответственно определяется как преодоление указанных выше признаков.

Придерживаясь марксистской концепции о преходящем характере рынка и определяя об-

щество, его преодолевающее как постэкономическое, В.Л. Иноземцев таким образом рассматривает рынок в качестве атрибута экономики, тем самым фальсифицируя, а не верифицируя разделяемую им концепцию.

Таким образом постиндустриальное общество в контексте рыночной трансформации в России рассматривается современными сторонниками марксизма как феномен, отрицающий имманентную обществу системную, соответственно рыночную природу его существования, следовательно преумалывающий значение рыночных реформ. По сути логика оппонентов рынка сводится к следующему: зачем создавать рынок в России, если он носит преходящий, по К. Марксу, характер, подтверждающийся постиндустриальным этапом развития лидирующих стран.

В странах, вступивших в постиндустриальный этап эволюции общества и культуры, доминирует потребность в творческом труде, при этом грань между трудом и досугом размывается, важно, однако, что эта тенденция имеет место не вопреки, а благодаря институту частной собственности и рынку, в контексте чего апелляция к достоверности прогнозов К. Маркса выглядит абсурдной.

Представляется, что перспектива исследования эволюции общества как феномена самоорганизации связана с синергетикой, позволяющей адекватно описывать и объяснять динамическое поведение сложных систем.

Список использованных источников

1. Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе //Мировая экономика и международные отношения. -№7,8,9. -1998.
2. Васильчук Ю. Постиндустриальная экономика и развитие человека //Мировая экономика и международные отношения. №9, №10.- 1997.
3. Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики. <http://hq.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998/1/a8.html>.
4. Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества. <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/4inoz.htm>.